

О
РОМАНТИЧЕСКОЙ
ПОЭЗИИ.

ОПЫТЪ
ВЪ ТРЕХЪ СТАТЬЯХЪ.

Сочинение Ореста Сомова.

Члена ВЫСОЧАЙШЕ, утвержденнаго
Вольнаго Общества Любителей Россій-
ской Словесности, и Вольнаго Общества
Любителей Словесности, Наукъ и Худо-
жествъ.

1825
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспи-
тательнаго Дома 1825 года.

О РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

СТАТЬЯ I.

Воображеніе, усыпаяющее цвѣтами
тернистый путь нашей жизни, есть са-
мая прихотливая способность души че-
ловѣческой. Оно скучаетъ однообразіемъ,
ищетъ всегда новаго и тогда только
вполнѣ наслаждается, когда находитъ
нѣчто дополъ ему незнакомое. Часомъ
мы видимъ людей, которые подвер-
гаются опасностямъ въ дальнихъ и
трудныхъ путешествіяхъ, для того
только, чтобъ увидѣть что нибудь но-
вое, или прежде ими невиданное; еще ча-
ще случается намъ встрѣчать такихъ,
которые, по образу ихъ воспитанія, бо-

ясь мертвецовъ и привидѣній, съ жадностію слушающихъ повѣсти о сихъ спрашлицахъ, хотя волосы у нихъ становящяся дыбомъ отъ такихъ разсказовъ. Но нигдѣ воображеніе не показывается столько своеобразія, какъ въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ. Здѣсь оно рѣшительно опмещаетъ все обыкновенное, желаетъ и требуетъ только новаго, небывалаго. Не слѣдуя за нимъ по всей области сихъ искусствъ, обратимъ вниманіе нашихъ читателей на самое обширнѣйшее и богатѣйшее изъ всехъ — на Поэзію.

Гдѣ болѣе разнообразія, какъ не въ Стихотворствѣ? Но формамъ своимъ, оно раздѣляется на четыре главные рода (Эпическій, Лирическій, Драматическій и Дидактическій); но сколько подраздѣленій въ каждомъ изъ сихъ родовъ, сколько измѣненій, оппѣнокъ въ каждомъ подраздѣленіи! Казалось бы, гдѣ болѣе пищи, даже роскоши для воображенія? Но крылатое и своеобразное, оно пролетѣло уже весь сей рядъ подраздѣленій, измѣненій и оппѣнокъ, оно пресынилось уже

ихъ впечатлѣніями — и наскучило ими. Новой нища, новыхъ наслажденій оно пребудешь — и обвиняешь Поэзію классическую въ истощеніи ея предѣловъ.

Не должно однакожь въ семь случаевъ снрого судить воображеніе. *Изящныя*, или *свободныя* искусства, имъ и для него созданныя, переснаюшь бытъ *свободными*, когда ихъ истощають ярмомъ правилъ условныхъ. Въ природѣ нравственной и физической — многое правится безусловно. Часно мы не можемъ данъ себѣ опчеша, по чему такое лицо, или такое мѣстоположеніе привлекаетъ, и можно сказаъ приковываешь наши взоры? — Эва безусловная прелестъ еще болѣе оцущительна въ Поэзіи. Мы пленены, очарованы стихотвореніемъ, которое, при снрого разборѣ, представляетъ намъ явное нарушеніе многихъ правилъ, пребуемыхъ приверженцами Поэзіи классической. Чшо же составляетъ эту безусловную прелестъ Поэзіи? — Вопросъ затруднительный; но почемужь не попытаться отвѣчать на него? Мнѣ кажется, что сія прелестъ состоитъ въ но-

*

восприимчивости, неожиданности мыслей, картинъ, положеній драматическихъ и выраженій, которыми Поэты пѣмъ сильнѣе поражаютъ наше воображеніе, чѣмъ менѣе мы были къ нимъ приготовлены. Въ Поэзіи классической, принимая ее въ томъ смыслѣ, какъ Французы ее разумѣютъ, мы почти напередъ угадываемъ, какія пособія употребитъ Стихотворецъ, чтобы насъ *разтросать*, или *убѣдить*. По сему впечатлѣнію, ею производимыя, скользнуть на нашемъ воображеніи, не осмѣливаясь по себѣ слѣдовъ глубокихъ, ибо они подчинены холодной кришкѣ ума, съ которою мы слѣдуемъ за Писателемъ, буднично подглядывая, шакъ ли онъ выполнилъ свое намѣреніе, какъ желалъ, или какъ мы были въ правѣ опять него ожидать? Поэзія не Архитектура, гдѣ спрогой глазомѣръ съ точностію повѣряетъ всѣ совершенства и погрѣшности симетріи. Измѣряя масштабомъ и циркулемъ каждый стихъ, каждое выраженіе, каждый порывъ Генія — мы опдадимъ только холодную дань удивленія тому, кто выполнилъ всѣ условія, требуемыя правилами

ми Аристотелевскими; но сей чистый
воспоргъ, сіе быстрое пламя огня небес-
наго — духъ Поэзіи, никогда насъ не со-
грѣшитъ и не вознесетъ душу нашу въ
спрану очарованій, въ міръ духовный!

Спранно, что Французы, одаренные
пламеннымъ воображеніемъ и спраспные
къ свободѣ, подчинились въ искусствахъ
раболовнымъ условіямъ, и счипаютъ оп-
сущеніе опъ нихъ за дерзкое наруше-
ніе идеальной красоты и совершенства.
Причина тому, можетъ быть, что у
сего народа правила предписывовали об-
разцамъ. Съ ихъ поръ, какъ Буало из-
далъ свой спихотворный Кодексъ для
Спихотворцевъ, всякой школьникъ счи-
таетъ себя въ правѣ судить и рядить
по оному. Въ живописи хотя вкусъ Фран-
цузовъ и измѣнялся, но всегда была у
нихъ какая нибудь ограничивающая чер-
та, за которую никто не смѣлъ пере-
ступить, — и Геній долженъ былъ или
дремать, или слѣпо брести путемъ да-
рованныхъ обыкновенныхъ. Пестрыя кар-
тины школы Лебрёровой, спашуйныя
положенія тѣла и слишкомъ вынужден-

ныя дѣйствія свѣта и шѣви въ картинахъ новѣйшей ихъ школы — суть явные тому доказательства. Тоже самое было и есть съ ихъ музыкой: сами они смѣюшая реву и крику большой своей Оперы, и не перестаютъ ревънѣ и кричанѣ (), поному что это увѣковѣчено *давностью*. По какой то неизъяснимой игрѣ Природы, Французы, непостоянные во многихъ другихъ отношеніяхъ, постоянно именно въ шѣхъ предметахъ, которые болѣе всего прѣбываютъ новѣеши и разнообразіа.

Еще страннѣе, что до преобразова- Французскаго языка, въ самыхъ Снихотвореніяхъ Трубадуровъ Провансальскихъ, мы не находимъ той смѣлости, той свѣжести мыслей и выраженій, которыхъ бы можно ожидать отъ вѣковъ Рыцарскихъ и отъ языка, болѣе способнаго къ Снихотворенію, нежели нынѣшній Французскій, и незаклученному въ столь шѣсныя границы. Изъ множества снихо-

(*) C'est la vache qui galoppe, говоритъ Ж. Ж.

Руссо о Французской музыкѣ.

твореній того времени, приводимыхъ Ренуаромъ въ его книгѣ: Des Troubadours & des Cours d'Amour, мы видимъ, что почти всё они сходны между собою, почти всё посвящены любви и вздохамъ. Въ нихъ видно чувство, но мало воображенія, мало Поэзіи. Удивительно, что близкое соседство Мавровъ, которыхъ Поэзія блистала всеми роскошными красками Востока, не имѣло ни какого вліянія на Стихотворство Трубадуровъ и не отразилось въ ихъ произведеніяхъ. Переведемъ одно изъ нихъ, чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе о Французской Поэзіи среднихъ вѣковъ. Это Стихотвореніе Гарень-лѣ-Врѣна (Garins le Brein), отличающагося отъ другихъ своею замысловатостію.

„Разсудокъ ласково и кротко гово-
 „ритъ мнѣ, чтобы я въ поступкахъ мо-
 „ихъ слѣдовалъ правиламъ благоразумія;
 „Глупость прошивилась мнѣ, увѣряя,
 „что если я слишкомъ положусь на ея
 „соперника, то никогда ничего не выи-
 „граю.

„Разсудокъ преподавать мнѣ такіе уро-
 „ки, коимъ слѣдуя, могу избѣгнутьъ
 „ошъ пошерь, заблужденій, спроси къ
 „игрѣ и многихъ заботъ. Если я чего
 „пламенно желаю, то могу ушайшь, или
 „вовсе изтребить мое желаніе.

„Глупость опнимаешь у меня раз-
 „сужденіе и говоришь, что я не долженъ
 „излишнею спрососпью къ самому себѣ,
 „неволишь мою волю; что если я поль-
 „зуюсь случаемъ, не моя въ томъ вина.

„Разсудокъ мнѣ совѣщуетъ не при-
 „лѣпляться къ женщинамъ, не пылать
 „къ нимъ любовью; и когда я прилѣ-
 „плюсь къ одной, то долженъ выбрать
 „осмотрительно и благоразумно; ибо ес-
 „ли буду влюбляться въ каждую, то
 „скоро погибну.

„Глупость, налагаешь на меня дру-
 „гой законъ; она хочетъ, чтобъ я опдалъ
 „ся ласкамъ и привѣщамъ, какъ спрасть
 „мнѣ совѣщуетъ; ибо если я не буду на-
 „слаждацца удовольствіями, коимъ
 „ошъ меня зависянтъ, — то лучше за-
 „ключиться въ кельѣ.

„Разсудокъ говоришь мнѣ: не будь

„скупъ, не мучь себя, накапливая богатства; не разбрасывай на безразсудные дары нию, чюю имѣешь. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ я раздавалъ все, чюю вздумаешься, къ чему бы послужила такая щедрость?

„Глупость увиваешься около меня и дергая за носъ, говоришь: другъ! завтра, можешь быть, ты умрешь; а когда тебя положатъ въ могилу, тогда на чюю тебѣ богатства? Разбрасывай ихъ по своимъ прихожанамъ!

„Разсудокъ тихо и ласково твердитъ мнѣ, чююбъ я наслаждался жизнью не спѣша и умеренно; а Глупость говоритъ: къ чему? Спѣши, наслаждайся, сколько можешь; роковая минута приближается.“

Это Поэзія ума, а не сердца и воображенія. Здѣсь мы видимъ правильность мыслей, обдуманность доводовъ; но напрасно будемъ искать впечатлѣній, производимыхъ истиною Поэзіей. Вообще Спихотворенія Трубадуrowsъ доказываютъ ихъ остроуміе, искусство выражать свои чувствованія и владытъ языкомъ; но можно ли заключить Поэзію въ сіи

иѣнные предѣлы? Поэзію, которая, подобно быспрому пошоку, часто стремилась по негладкимъ пушамъ, и не находя ни въ чемъ себѣ прегадъ, увлекается все за собою?

Съ ихъ поръ, какъ Французы ввели на своемъ Театрѣ правильную Трагедію (*), слухъ ихъ почти исключительно приучился къ именамъ Царей, Царицъ и Героевъ Греческихъ. Первые опыты ихъ въ семь родъ, были подражанія Грече-

(*) До половины XVI вѣка, у нихъ представлялись только такъ называемыя *таинства* (Mystères), принесенныя во Францію странниками, ходившими на воспокъ для поклоненія Святымъ мѣстамъ. Предметы для сихъ *таинствъ* были всегда избираемы изъ Священнаго Писанія. Театръ Испанскій также долгое время представлялъ подобныя зрѣлища, подъ названіемъ *Дѣній Священныхъ* (Autos Sacramentales); чему и мы имѣемъ образцы въ шекспировыхъ Смесна Полоцкаго и еще нѣкоторыхъ Россійскихъ Писателей, жившихъ въ XVII, и даже въ началѣ XVIII вѣка.

скимъ Трагедіямъ. Корнель первый рѣшился нарушить сіе правило исключенія, давъ право гражданствъ на Французскомъ Театрѣ Сиду, заимствованному изъ Театра Испанскаго. Сію Трагедію можно назвать, въ нѣкоторомъ отношеніи, первую Романтическую драму на Французскомъ языкѣ. Расинъ послѣдовалъ Корнелю въ томъ, что не выбиралъ работъ изъ одной Греческой Исторіи. Бышописенія Римлянъ и Евреевъ доставили ему предметы для двухъ прекраснѣйшихъ его Трагедій: Британника и Гоэліи. Вольтеръ еще болѣе показалъ смѣлости и рѣшимости, предсказавъ на Французскомъ Театрѣ произшествія изъ Исторіи среднихъ вѣковъ и своего общества, въ Трагедіяхъ: Танкредъ, Аделаида дю-Гекленъ и пр. Нѣкоторые изъ послѣдовавшихъ Соперниковъ также дѣлали сіи оступленія; но вообще вкусъ Французовъ рѣшительно былъ на сторонѣ *Трагедіи Греческой*, т. е. Трагедіи, въ которой имяна и произшествія взяты изъ древней Исторіи. Герои Троянской войны, и предпочтительно предъ другими, вѣчная дина-

*

саша Аширидовъ, завладѣли почти всею областью Французской Мельномены. Это подало мысль остроумному *Берну* пошутить въ Саширѣ своей: Les Grecs et les Romains, надъ симъ *исключительнымъ правомъ* (*).

Мы часно говоримъ, въря Французамъ, что у нихъ введена Греческая Трагедія, и не входимъ въ дальнѣйшія объясненія. Но что Французы разумѣють подъ Греческою Трагедіей? — Соблюденіе прехъ единствъ, и, какъ я выше сказалъ, имена и произношенія, взятыя изъ древней Исторіи. Взглянемъ

(*) Ce fut bien pis encor quand je fus au Théâtre:
 Je n'entendix jamais que Phèdre, Cléopatre,
 Ariane, Didon; leurs amans, leurs époux,
 Tous Princes enragés hurlant comme des
 loups;
 Rodogune, Jocaste, et pais les Pélopidés,
 Et tant d'autres héros noblement parricides...
 Et toi, triste famille, à qui Dieu fasse paix,
 Race d'Agamemnon, qui ne finis jamais,
 Dont je voyais partout les querelles antiques
 Et les assassinats mis en vers héroïques.

! Berchoux.

приспавляете на характеры сихъ Галло-Французскихъ Героевъ, и мы увидимъ въ нихъ условную въживленность и свѣтскость Кавалеровъ Двора Людовика XIV, или Людовика XV. Нѣтъ той облаченной, такъ сказанъ, Природы (*), которая была характеристическою чертою древней Трагедіи. Ахиллъ, со всею пылкостью своего права, какъ будто боинсья промолвишься: это не Ахиллъ Гомеровъ, буйный и неукротимый, а Конде, или Вилларъ, занянутый въ лапы и гнущійся подъ шлемомъ, который, въ жаркомъ спорѣ своемъ съ Агамемнономъ, ни на минуточку не позабывается, не выходитъ изъ себя, и кажущаяся, держитъ на всякой случай въ запасѣ нѣсколько комплиментовъ.

(*) Многие изъ Писателей Французскихъ утверждали что она неприлична ихъ Драматической Поэзіи. Шамфоръ явно возсинавалъ противъ подражанія Природѣ въ Трагедіи Французской, а Вольтеръ осмѣивалъ сіе подражаніе въ Трагедіи Шекспировой.

Разсмаптривая внимательнѣе снхотворныя произведенія Французовъ, легко можно замѣтить, что господствующая у нихъ Поэзія — есть Поэзія дидактическая. Кромѣ множества Поэмъ и мѣлкихъ Снхотвореній, собственно ей посвященныхъ, кромѣ Поэмъ описательныхъ, въ которыхъ она занимаетъ почетное мѣсто, — мы встрѣчаемъ ее во всѣхъ прочихъ родахъ Поэзіи Французской: ею наполнены опыты Французовъ въ Эпическомъ - Снхотворствѣ (*); она описывается въ ихъ Одахъ и другихъ Лирическихъ снхотвореніяхъ и она же проглядываетъ въ Поэзіи Драматической (**). Это доказываетъ наблюдательный умъ Французовъ; но съ другой стороны разкрываетъ иногда причину той сухости и холодности, которыя, сѣло можно сказать, составляютъ отличительную черту ихъ Поэзіи.

(*) Вся *Петреида* Тома естъ почти собственно Дидактическая Поэма, хотя предметъ ея приличенъ болѣе Поэзіи Эпической.

(**) Особливо въ такъ называемой *характерной Комедіи* (*Comédie de Caractère*).

Здѣсь у мѣсна повторить извѣст-
ный Афоризмъ, что *нѣтъ* правила безъ
исключенія. И у Французовъ, между мно-
жесномъ Поэтовъ, подчинившихся пра-
виламъ такъ называемой классической
Поэзіи, выказывающаея иногда такіе, ко-
торые сбросили съ себя иго условій не-
опуступныхъ. Однимъ изъ сихъ смѣлыхъ
починаю я ныкаго Парни. Въ Поэмѣ
своей: Иснель и Аслега, онъ проложилъ
себѣ дорогу совершенно новую и разсы-
палъ свѣжис, блестящіе цвѣтны на утрю-
мыя скалы снѣжной Скандинавіи. Эша
Поэма можетъ назваться первою Роман-
тической Поэмой во Франціи. Ша-
нобріанъ, котораго проза естъ часно
Поэзія безъ Спихотворной мѣры и риѣмъ,
можетъ также, по выбору предметовъ,
смѣлости выраженій и цвѣтисному сло-
гу, причислѣсь къ Писателямъ Роман-
тическимъ. Непомуценъ Лемерсье (Né-
ро-тиссѣне Lemercier) нѣкоторымъ своимъ
Трагедіямъ далъ совершенно-Романтиче-
скую форму, хошя въ отношеніи къ сло-
гу онъ не показываесть равной смѣло-
сти,

Теперь, кажется, Французы сами почувствовали тесноту предѣловъ своей Поэзіи и происходящую отъ того блѣдность и однообразность ихъ стихотворныхъ произведеній. Они начали переводить Шекспира и другихъ Ангійскихъ Романтическихъ Поэтовъ, не такъ, какъ переводили ихъ Дюсисъ и Лё Турнёръ, передѣлывая по своему и планъ и выраженія подлинника; нѣтъ! они рѣшились передавать на своемъ языкѣ каждую Поэму такъ, какъ она есть, со всѣми ея совершенствами и недоснапками; ибо и самыя ошибки Генія поучительны для талантовъ юныхъ:

C'est du Ciel que partit le feu qui l'égara.

Не говоря уже о переводахъ на Французскій языкъ Поэмъ Байрона, Томаса Мура, Соузея и Вальпера Скоппа, довольно упомянуть объ огромномъ предпріятіи нѣкоторыхъ современныхъ намъ Французскихъ Литераторовъ, переложить на свой языкъ лучшія драматическія произведенія всѣхъ Европейскихъ народовъ, какъ то: Англичанъ, Германцевъ, Итальянцевъ,

янцевъ, Пешанцевъ и Рускихъ. Трудъ, который безъ сомнѣнія принесетъ великую пользу Словесности Французской, ибо онъ кроетъ новые пути къ наслажденіямъ умственныхъ и развяжетъ крылья Генія, спутанные условіями.
